

В Диссертационный совет ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации»
119571, г. Москва, проспект Вернадского, д.82

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
на диссертацию Волковой Наталии Алексеевны
«Практический поворот в социологии конца XX – начала XXI века:
материальная культура и социоматериальный эксперимент»,
представленную на соискание ученой степени кандидата социологических
наук по специальности 5.4.1. Теория, методология и история социологии.

Диссертационное исследование Н.А. Волковой подготовлено на широком материале одной из сложных, и, одновременно, перспективных концепций в области современной социологии знания – ANT (Actor-Network Theory). Важно, что диссертант нацелена не просто на ее осмысление как особой исследовательской оптики, но на реконструкцию важного компонента и метода – социоматериального эксперимента (СМЭ). Он не позволяет проверять заранее сформулированную причинную гипотезу как это принято в позитивистской методологии. Здесь объектом экспериментирования становится социальная реальность и способ ее описания. В работе диссертант, апеллируя к традиции исследований науки и техники (STS) и акторно-сетевой теории (ANT), фактически переосмысливает статус экспериментального метода в условиях практического и материального поворотов, прежде всего прежде всего в условиях практического и материального поворотов.

По мере знакомства с текстом возникает впечатление глубокой интеллектуальной вовлеченности автора в исследуемую проблематику. Автор не просто последовательно выполняет формальные задачи диссертационного исследования, но словно «живет» внутри разворачиваемого теоретического сюжета, стремясь прежде всего раскрыть внутреннюю логику и содержание поставленной проблемы. Н.А. Волкова не идет по формальному пути обоснования научной актуальности через обзор современных публикаций. Упаковывая свою осведомленность о них в множественные постраничные ссылки, она сразу начинает с обращения к классическому спору К. Поппера и представителей Франкфуртской школы, а затем прослеживает альтернативную линию его решения через программу социологии знания, STS и ANT непрерывно сравнивая две исследовательские традиции между собой, последовательно двигаясь к достижению заявленной цели.

Сама цель представленного исследования сформулирована ясно: описать механизм действия СМЭ (*«как работает»*) и определить границы его концептуальной и практической применимости.

К безусловному достоинству работы можно отнести предложенную логику и драматургию исследования, где диссертант, верная методологии акторно-сетевого подхода, выстраивает исследовательское повествование таким образом, что читатель последовательно приходит к пониманию сути и специфики социоматериального эксперимента, в определенном смысле также *«следуя за актерами»*. Н.А. Волкова осуществляет историко-теоретическую реконструкцию социоматериального эксперимента (СМЭ) как особого способа социологического познания, ориентированного не на проверку линейных каузальных зависимостей, а на выявление границ изменчивости описаний, репрезентаций, методов и материально организованных социальных порядков. Ею выбрана удачная стратегия – раскрывать объект и предмет экспериментирования опираясь на метафору «черного ящика». Она выделяет его инварианты, типы описания и способы работы с ним в различных исследовательских традициях, учитывая при этом экспериментальный характер взаимодействия с объектом, свойственный методологии тех подходов, в рамках которых эти характеристики были выявлены автором. Последовательный анализ моделей, позволил диссертанту не только описать и обосновать специфику «черного ящика» и работы с ним социологов ANT, но и выделить его уникальность, обозначить принципы действия социоматериального эксперимента по ряду осей: социально-материальной и субъект-объектной.

Следующий шаг – последовательная распаковка «черного ящика»: описание объекта через уточнение границ и способов его действия, а также границ социоматериального эксперимента, его цели и результата. Особое внимание диссертанта сосредоточено на характере мобильности объекта, его двойной подвижности, изменчивости описаний в зависимости от контекста, специфики репрезентаций. Собственно понимание подвижности, границ изменчивости и манифестируются автором как результат эксперимента. Он задает их типы (эстетические / этические), позволяя проследить две стороны изменения объекта (материальная организация ↔ социальная/нормативная организация) и переходы между ними, разрывы и ошибки, акцентируя внимание на изменениях, материальных и социальных границах культуры.

Замечу, что восприятию сложного и многообразного материала первой теоретической части исследования, вхождению читателя в контекст методологии ANT помогает обращение Н.А. Волковой не к традиционному стилю формального академического изложения, привычного для работ квалификационного характера, но к проблемно-диалогическому, полемическому стилю изложения материала. И это безусловно удачный ход стороны автора.

Вторая часть диссертационного исследования переводит теоретическую конструкцию в эмпирическую плоскость исследования.

Складывается впечатление, что центральную методологическую роль культуры в социоматериальном эксперименте, автор наиболее наглядно показывает именно во второй части работы, при анализе ряда кейсов, реконструированных на материале постсоциалистической культуры. С позиции диссертанта СМЭ и нужен именно для того, чтобы сделать видимыми границы культуры, способы её материального воплощения и пределы характерной для неё рациональности. В СМЭ она существует не в символах и ценностях, но в практиках, технических объектах, документах, процедурах, способах организации действия.

Описание практических кейсов и их анализ автор осуществляет на основе заявленной значительной эмпирической базы. Она включает в себя полевые наблюдения, профессиональный опыт в области городского планирования, материалы образовательных и исследовательских проектов, документы городских исследований и градостроительного регулирования в ряде западных стран, России и Казахстане. Диссертант активно апеллирует к части материалов по мере описания и анализа кейсов, однако другая часть эмпирического материала присутствует в тексте скорее латентно, что для научно-квалификационной работы выглядит недостаточно убедительным и оставляет ряд вопросов к автору, на чем строится то или иное утверждение.

В силу пересечения научных интересов, мне хотелось бы особо отметить качество реконструкции Натальей Алексеевной первого эмпирического кейса: ситуации градостроительной реформы в России в 1998–2004 годах, и внедрением нового инструмента планирования – Правил землепользования и застройки (ПЗЗ).

В целом, научная новизна диссертации Н.А. Волковой представляется убедительной. Во-первых, автор вводит в научный оборот значительный корпус англоязычной литературы по ANT и смежным направлениям в том числе малоизвестные в российском социологическом сообществе. Во-вторых, она показывает, что корпус исследований ANT можно описывать как альтернативу «большим теориям» XX века. Это не только набор самостоятельных теорий, объединенных акторно-сетевым подходом, но и использующие общий экспериментальный метод. В-третьих, новизной обладает и представленный в исследовании комплекс принципов, типов и прочих компонентов, форм описание метода с обозначенными принципами и типами границ объекта. Заслуживает внимания идея гетерогенных «метод-сборок», позволяющая описывать связь между теоретическим и прикладным уровнями социологического исследования.

Теоретическая значимость диссертации состоит в предложении способа описания эксперимента в социологии, который не редуцируется к

лабораторному дизайну и не заимствует критерии экспериментирования непосредственно из естественных наук, обладает самостоятельной исследовательской ценностью при анализе.

Практическая значимость связана прежде всего с возможностью наблюдать, как перестраивается сеть отношений между человеческими и нечеловеческими акторами и какие новые практики, роли, связи что возникают в результате этого вмешательства. Думается, что предложенный Н.А. Волковой способ анализа городских изменений весьма перспективен для осмысления, а отчасти и прогнозирования возникающих в их процессе противоречий напряжений, конфликтов, вызванных изменениями в нормативных основаниях градостроительной политики. Однако, считаю, что для использования на практическом уровне метод все же требует дальнейшей доработки, а компоненты операционализации.

Неизбежно диссертационное содержит и ряд положений, которые представляются дискуссионными и заслуживают уточнения.

Во-первых, центральный концепт исследования СМЭ представляет собой авторскую реконструкцию исследовательской программы ANT/STS, не оформившийся в текстах представителей данного направления, на что указывает и сам автор диссертационного исследования. Поэтому желательно отчетливее провести границу между реконструкцией имманентной логики ANT/STS когорты его теоретиков и собственно авторской теоретической конструкцией. Н.А. Волкова удачно резюмирует по завершении каждой главы, логического фрагмента. При этом не всегда понятно, где диссертант систематизирует наработанные предшественники, а где предлагает собственную интерпретацию.

Во-вторых, сложность перевода метода с теоретического уровня в практический требует уточнения инструментов анализа. Здесь автор демонстрирует вариант социоматериального эксперимента в глобальной перспективе: при переносе инструментов из неолиберальной культуры в постсоциалистическую. Многие его наблюдения и выводы построенные в методологии СМЭ убедительны. Но складывается впечатление, что диссертант сам сталкивается с проблемой формального обозначения границ «неолиберализма» и «постсоциализма», наделяя «ограничениями рациональности культуры» только последнюю. По сути техники правового зонирования, сформировавшиеся в неолиберальной культуре, оцениваются автором как априори работающие и изменения границ здесь не становятся объектом рефлексии. Предмет рефлексии только *«проблемы культуры постсоциализма»*, и они возникают только при переносе из правового режима США и Европы в постсоциалистический режим России. Возможно, диссертант сделал это сознательно, сознательно ограничивая границы рефлексии, но однако обоснованность подобного ограничения вызывает сомнения. Правовое зонирование в исходной культурной модели также является «черным ящиком», изменения которого перманентно

сопровождались преобразованием их субъектно\объектной составляющей. непрерывным уточнением и преобразованием социальных и материальных границ. Маркером их оспаривания была, в том числе, критика инструментов и механизмов городского планирования еще Шери Арнштейн. Да и в описываемый диссертантом период переноса модели зонирования среди западных планировщиков шли бурные дебаты относительно используемых механизмов вовлечения населения в процессе принятия градостроительных решений – «обременения участием», «тирания участия» (например, *Participation: the new tyranny?* 2001), где как раз ставилась под сомнение эффективность публичной городской политики, ее механизмов, сформировавшейся в рамках неолиберальной модели, в частности перспективность применения публичных обсуждений как одного из инструментов согласования интересов и информирования горожан о принимаемых решениях. Важен ли этот аспект этических границ зонирования в культуре страны – донора изучаемого ею эксперимента? Мне видится да, тем более что сегодня мы наблюдаем схожие процессы, в стане реципиенте, но они рассматриваются в ходе эксперимента они автономны в силу дифференциации культур.

Обращаю на это внимание поскольку считаю, что начатая Н.А. Волковой работа с методом в практической градостроительной сфере требует продолжения. Впрочем, диссертант и сам не скрывает ограничений полученного результата: исследование российского постсоциализма не рассматривается как окончательное определение границ постсоциалистической культуры. Такая рефлексивность свидетельствует о методологической добросовестности исследования.

Высказанные замечания имеют преимущественно дискуссионный характер и не снижают общей положительной оценки исследования. Диссертация демонстрирует исследовательскую самостоятельность автора, высокий уровень владения современной социологической теорией, способность работать на стыке истории социологии, методологии, STS/ATC и эмпирических городских исследований. Основные выводы соотносятся с поставленными задачами, а ограничения применимости метода рефлексированы автором.

Вывод: Диссертация Волковой Наталии Алексеевны «Практический поворот в социологии конца XX – начала XXI века: материальная культура и социоматериальный эксперимент» является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей важное значение для развития социологической науки и практики, что соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 и Порядка присуждения ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, утвержденного приказом ректора ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской

И.А. Скалабан

«9» октября 2026 г.

630073, г. Новосибирск, проспект Карла Маркса, д. 20
тел. +7(913)9007862, skalaban@corp.nstu.ru

Подпись заверено в.о. ревора:

H.B. Mayrck.

